

Дальневосточный фронт в интеллектуальной изоляции

Я несколько сменю проблематику – вернусь прежде всего к современности и отмечу, что даже заявленная тема – «Россия и Азия» – и разговор об Азии у нас почти сразу же сместились, и это было предсказуемо, к замене Азии Востоком. В свою очередь, этот Восток оказывался неким «Большим Востоком», пространством уже не физической, а ментальной географии. Соответственно этот Восток оказывался пространством, которое позволяет нам одновременно говорить и о Японии, и о Китае, и об Индии, и в том числе даже о Турции.

Но если вернуться от Востока к Азии, стоит напомнить, что у России была и остается собственная Азия – то понятие, которое было очень популярно во второй половине XIX века – «Азиатская Россия», пространство освоения, пространство фронта. И соответственно этому пространству, в первую очередь дальневосточному, с самого начала была присуща двойственность.

Двойственность, во-первых, отношения к нему. Попробую процитировать по памяти знаменитый фрагмент, наверное, многим из вас известный, из переписки Михаила Александровича Бакунина. Он пишет Александру Ивановичу Герцену в 1860 году (в этот момент Бакунин еще в Иркутске, а Муравьев-Амурский, его родственник и до некоторой степени приятель, – генерал-губернатор Восточной Сибири). Бакунин пишет Герцену в Лондон о том, что необходимо защитить Муравьева-Амурского: «И как ты смел присоединиться к нападкам на него?». Далее следует такой сюжет, весьма любопытный. Эту позицию, как ни странно, Бакунин сохранит вплоть до по крайней мере конца 1860-х годов. Он пишет, как быстро меняется отношение: сначала общий восторг русской публики по поводу наших приобретений на Востоке, по поводу Амура; и спустя всего несколько лет этот восторг сменяется общими упреками, разочарованием и стандартными суждениями петербургской и московской прессы «зачем нам этот Амур, зачем нам этот Дальний Восток?» и обвинениями в том, что это приобретение станет обузой, станет камнем на шее России. Это очередное ненужное территориальное приобретение, страсть к экспансии, ничем не сдерживаемая страсть.

Это довольно типичная «центрально-российская» модель. Для самого же дальневосточного пространства было характерно двойное единство самоопределения. По отношению к Европе – как дальний форпост и как движущаяся, подвижная граница с Востоком как объектом – соответственно имел место инструментальный характер знания. Для дальневосточного пространства очень характерна – если мы говорим о конце XIX века, но это отчасти справедливо и для текущего момента, – демонстрация уникальности по отношению к иным,

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).
E-mail: mestr81@gmail.com

демонстрация собственной уникальности, заключающейся как раз в западности, европейскости.

То есть уникальность заключается в том, что на самом краю России вдруг оказывается европейское пространство, в глубокой Азии вновь оказывается Запад. Эта идентификация себя с Европой – и в символичности названия, в котором, если угодно, можно усмотреть наследие римской или византийской мечты, отблески такой мечты. Как бы то ни было, здесь присутствует двойственность.

Акцентируя ваше внимание на индентификации с фронтиром, хотел бы отметить, что на этом форуме оказались не представлены востоковеды ни из Владивостока, ни из Иркутска, ни из других городов. И это не случайно. Это не недоработка организаторов. Это особенность устройства знания. Ведь в принципе, если очень постараться, то можно было бы найти соответствующих представителей, можно было бы их пригласить. Но ключевой момент – если постараться. Ключевой момент – если приложить определенные усилия и стремиться именно к представленности как таковой.

То есть если говорить об устройстве знания, то это знание – центрированное или даже скорее монополизированное имперским центром. Здесь уже вспоминали историю о том, как восточный факультет сначала возник в Казани и затем, спустя несколько десятилетий – если мне память не изменяет, в 1840-х годах – был переведен в Санкт-Петербургский университет и стал уже знаменитым Восточным факультетом.

До некоторой степени аналогично основание в 1899 году здесь, во Владивостоке, Восточного института, роль и назначение которого было и остается – сугубо инструментальное, прикладное знание, то есть подготовка переводчиков. Производство же знания было сосредоточено в центре. А на Дальнем Востоке это знание только применялось или, в лучшем случае, распространялось, воспроизводилось (как уже готовое / приготовленное).

Уже говорилось, что очень многие суждения о Востоке – суждения вне полевого знания. Если говорить о любом здешнем горожанине, то, наоборот, – у любого из них есть полевое знание тех или иных районов Китая, у большинства – Кореи, Японии, в меньшей степени – других стран АТР. Но это знание является исключительно практическим, знанием быстрого непосредственного применения.

То, на что я хотел бы обратить особое внимание, – концептуализация происходит за пределами этого региона. То есть концептуальное знание, знание программное, знание теоретическое – оно не вырабатывается на месте. Более того – оказывается, что язык самоописания, язык понимания своего нахождения в пространстве, это опять же не тот язык, который рождается на местности, а то, что приходит извне. Дальневосточный регион России – это пространство, которое получает языки описания не просто извне, не просто из центра, а это языки описания, которые по факту являются двойным преломлением оптики: фактически здесь происходит некое переложение на местное пространство.

Знание по отношению к Востоку – знание локальное, если угодно – знание дальневосточное. В большинстве случаев оно не выступает как знание-власть, если использовать фукианскую терминологию. То есть это ресурс, которым не обладает данное пространство, и для данного пространства знание, которое присуще ему, это знание, ограниченное частными операциональными рамками, с закрытой или, если угодно, блокированной потребностью к концептуализации.

Б.В. Межуев. Мне представляется весьма интересным наблюдение, согласно которому большая часть русских Дальнего Востока являются стихийными востоковедами. Их позиция, их точка зрения, их мнение требуют понимания, особого исследования, потому что это – способ жизни внутри Востока. Факт русского Востока любопытен ни сколько не менее, чем русской Америки в свое время. Это тоже элемент самопознания. Завершая нашу работу, передаю последнее слово человеку, вместе с которым мы делали эти два номера и который в наибольшей степени принял в них участие, – Василию Ванчугову. Надеюсь, он представит в большей степени четвертый номер, который был фактически его личным проектом.

В.В. Ванчугов. Сначала несколько слов об идеологии нашего издания. Ключевая проблема – это прагматичное отношение к прошлому. Думаю, большинство из вас читают лекции и часто сталкиваются с ситуацией, когда студенты, как бы они положительно к тому или иному профессору и предмету ни относились, задают вопрос: «А зачем нам тот или иной курс, поможет ли он нам в жизни? Мы понимаем, что он есть в учебной программе и его надо пройти, но какова польза?». И приходится заниматься своего рода апологией – почему мы должны изучать философию анархизма Бакунина или метафизику Соловьева, или историю философии Густава Шпета, равно как и многие эпизоды из западной философии.

И такой же вопрос, только часто в более жесткой формулировке, задают и те, кто принимает решения. Те, кто находится в ситуации так называемого консервативного поворота. А консервативный поворот, консервативная установка сознания подразумевают защиту традиционных ценностей и обращение к своему наследию. И возникает вопрос: что из этого наследия взять? Поскольку есть опасность превратиться в своеобразных архивариусов, которые по должности коллекционируют старые рукописи и книги.

И точно так же, как мы отвечаем студентам, мы отвечаем и людям, которые принимают решения в сфере образования и в других сферах внутренней и внешней политики, на вопрос, почему мы должны ценить этого мыслителя. По сути, мы должны отвечать на такой вопрос – какая польза от Соловьева? Мы должны доказать, что от изучения, на-

пример, Владимира Соловьева есть определенная польза.

Поэтому наша задача – а у нас параллельно реализуется проект «Русская idea», сайт консервативной политической мысли, где акцент сделан на актуальной повестке, – прагматическое обращение к прошлому, извлечение из запасников того, что сегодня поможет формированию определенной системы координат. Помню случай, когда практический работник МИД готовился к защите диссертации, и я порекомендовал ему прочесть книгу «Россия и Европа» Данилевского. Он потом благодарил: «У меня появилась какая-то система координат». В этом специфика издания и всей нашей деятельности. В наследии русской мысли есть много такого, что может быть включено в политический процесс, использовано для формирования различного рода систем координат, систем ориентации.

Теперь о четвертом номере, который называется «На перепутье: новый исход к Востоку?». Мы избегали апологетики и не подводили к мысли, что непременно необходимо повернуться к Востоку. Наша задача – аналитическая, то есть *pro et contra*, подобрать различные точки зрения и разобрать возможные сценарии развития событий.

У нас есть раздел «Персоналии, точки соприкосновения». В четвертом номере мы задаем одни и те же вопросы китайскому профессору и японскому научному сотруднику относительно Бердяева, чтобы выявить преломление его творчества в китайском академическом сознании и японском академическом сознании. Китайский коллега – хорошо известный в России профессор Пекинского педагогического университета Чжан Байчунь, который перевел всего Бердяева. Он хорошо знает не только Бердяева, но и русскую философию в целом. Именно русская философия, по его мнению, наиболее приемлема для китайского сознания. Китайским студентам и преподавателям полезнее изучать русскую философию, а не западную, поскольку у нас они обнаруживают точки соприкосновения, точки общего пространства на ментальной карте мира. Весьма интересны и рассуждения японского коллеги Мотохару Тохомиро. Кроме того, публикуются работы, посвященные образам Китая, Вячеслава Сербиненко и Андрея Тесли. Планируется тема «Образ Китая в русской философии». Ценность исследований такого рода в том, что, рассуждая об образах Другого, которые

мы выстраиваем, мы узнаем не только Другого, но и уточняем представление о самих себе. Усматривая в Другом нечто положительное и нечто отрицательное, мы тем самым рассказываем о себе и часто обнаруживаем свои скрытые желания – кем на самом деле нам хотелось быть. Поэтому такие исследования близки к психоанализу, своего рода гуманитарно-философскому психоанализу. Номер органично скомпонован. Здесь и геополитика – идеи и пространство, прагматика – рассуждения о пользе дружбы; поиск персоналий как определенных точек соприкосновения. И еще интересный раздел – христианская миссия в Азии, в частности, модификация и бытие в прошлом и настоящем православия в Китае.

Б.В. Межуев. Прочитав двойное интервью китайского и японского профессоров, я поставил перед собой вопрос: что же так интересует их в Бердяеве? Почему именно Бердяев вызывает такой интерес? Кстати, и книга Саркисянца «Россия и мессианиззм» в качестве подзаголовка имеет «К “русской идее” Н.А.Бердяева», а последняя глава в ней – «Поворот к Востоку и его предпосылки в русской интеллектуальной традиции». И у меня возник такой ответ, что Бердяев, в отличие, может быть, от других русских философов, четко ставит проблему, которая мне представляется центральной для всего русского консерватизма. А именно проблему индивидуальной свободы в контексте общего дела. У него русская мысль, русская идея – в какой-то степени восточная идея, она ассоциируется с представлением о некоем общем деле, общей цели, общем пути, объединяющем всех людей одной цивилизации, одной нации, вовлекающем всех в одно общее определенное действие. Как в этом общем деле, будучи частью этого дела, являясь его соратником, как тогда говорили, сохранить индивидуальное достоинство? Эту проблему ставил еще Герцен, находясь на левом фланге русской мысли. На правом ее ставил Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе». А в философском отношении эти левые и правые составляющие русской идеи воплотились в философии Бердяева.

Мне кажется, именно эта составляющая, именно эта проблематика интересны представителям Востока, тем, которые интересуются Россией. Потому что в западной философии эта проблема поднималась у немцев, но даже в современном англо-саксонском консерватизме, о котором на третьих Бердяевских чтениях мы послушали интересный доклад Бориса Макаренко, – эта проблема так ясно не стоит. Все-таки индивидуализм, который характерен для западного консерватизма, несмотря на его некую воинственность и даже милитарность, в конечном счете есть нечто совершенно иное по отношению к пафосу общего дела, общей работы, общей мысли, общей судьбы, которая, мне кажется, является той ценностью, которая объединяет Россию и восточные цивилизации.

Л.В. Поляков. Это действительно хорошая находка. В России и на Востоке стоит проблема того, как при доминировании общего дела обеспечить автономию личности и личных свобод. Западная же цивилизация строится иным образом. Не случайно в западной политической теории один из важных разделов – изучение логики коллективного действия. Для западного человека важно понять, как автономного индивида включить в процесс коллективного действия таким образом, чтобы оно получилось. Для нас, видимо, типичен обратный подход. Дорогие друзья! Хотел бы выразить свою личную признательность и благодарность за тяжелый труд в непривычной для многих часовой зоне. Несмотря на физические перегрузки, мы смогли создать духовное пространство, в котором каждый имел возможность высказать то, что он думает, каждый внес вклад в новое качество смыслов. И, уезжая с этого форума, мы будем духовно и интеллектуально богаче, чем были два дня назад. Про себя могу сказать, что хотя я и не стал востоковедом, но восточником все-таки стал. От всех нас хочу поблагодарить тех, кто обеспечил нам комфортное языковое пространство. Без тяжелого труда синхронных переводчиков у нас не получилось бы то, что получилось.